

ПОРТРЕТЫ

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: ВЕХИ ЖИЗНИ И ТРАГЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

*Горин Михаил Михайлович –
к.и.н., зам. директора Центра
научного использования и публикации
архивного фонда объединения
«Мосгорархив»*

28 февраля 2011 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Евгения Алексеевича Преображенского, старого большевика, секретаря ЦК РКП(б) в 1920–1921 гг., одного из лидеров левой («троцкистской») оппозиции, выдающегося экономиста, талантливого публициста. Цель настоящего сообщения – напомнить основные вехи политической биографии и творчества Преображенского¹, уделив главное внимание наименее изученному раннему периоду его жизни.

Большевик из «поповичей»: 1886–1903 гг.

Е. А. Преображенский родился 28 февраля (15 февраля по ст.ст.) 1886 г. в г. Болхове Орловской губернии в семье священника Троицкой церкви, законоучителя городского училища Алексея Александровича Преображенского и Варвары Алексеевны Преображенской (урожденной Левицкой). Он был третьим ребенком в семье (старшие – Людмила и Виктор, младшие – Ольга и Александра). «В детстве был очень религиозен». На четырнадцатом году жизни через протест против материального неравенства, под влиянием чтения литературы «либерально-народнического направления», атеистических работ, наблюдения «всей религиозной кухни с ее закулисной стороны» Преображенский приходит к «абсолютному отрицанию религии». Позднее атеизм «из морального пафоса, из любви к добру и справедливости», как

¹ Большинство работ Е. А. Преображенского переиздано в многотомном издании, выпускаемом Главным архивным управлением города Москвы: Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006; Е. А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. Т. I. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т. II. Конкретный анализ советского хозяйства. М., 2008; Е. А. Преображенский. Деньги и мировой капитализм (исследования, научно-популярные работы): 1921–1931 гг. М., 2011. В настоящее время готовятся к печати 4-й и 5-й тома издания, в которые войдут небольшие по объему работы Е. А. Преображенского 1920–1930-х гг., в том числе не публиковавшиеся, а также материалы, связанные с его арестами в советскую эпоху.

это было свойственно наиболее нравственно чутким представителям русской интеллигенции, привел его к революционному радикализму².

Л. Хеймсон обоснованно выделяет три основных социальных источника формирования российской революционной интеллигенции: провинциальное служилое дворянство, «поповичей», нерусские (неправославные) национальные меньшинства. Причем, по его мнению, представители каждого из этих слоев наложили специфический отпечаток на облик той контрэлиты, которой суждено было в 1917 г. до основания потрясти здание российской государственности.

Евгений Преображенский – типичный «попович». Выходцы из этой среды (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Б. И. Николаевский и др.) привнесли в среду революционной интеллигенции, по мнению того же Хеймсона, следующие черты: 1) острое ощущение чувства долга по отношению к народу; 2) пристальное внимание к морально-нравственным вопросам, вплоть до придания им квазирелигиозного качества (интенсивная разработка этой проблематики в рамках политических и социальных программ; стремление к последовательному личному воплощению норм революционной этики); 3) интеллектуальную потребность в поисках замены русской православной «космологии» (концепции вселенной, принципов и законов, которые ею управляют)³.

Перечисленные качества в полной мере присущи Е. А. Преображенскому.

1) *Чувство долга по отношению к народу.* Оно запечатлено, например, в следующем эпизоде из автобиографии Преображенского: «Когда мне было лет 8, я, помню, демонстративно выбросил матери купленные для Пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на Пасху рваные сапоги».

Православные истоки этого чувства раскрыл С. Н. Булгаков, так же, как и Преображенский, выходец из среды орловского духовенства. «Вместе с Церковью», – писал отец Сергей, – «я воспринял в душу и народ русский, не вне, как какой-то объект почитания или вразумления, но из нутра, как свое собственное существо, одно со мною. Нет более народной и, так сказать, народящей, онародивающей стихии, нежели Церковь, именно потому, что здесь нет «народа», а есть только Церковь, единая для всех и всех единящая». К празднику Пасхи, продолжает С. Н. Булгаков, детям шили какую-нибудь обновку. Но при этом дети знали, что кто-то из знакомых ребят обязательно будет в Церкви в старой одежде. «И красуюсь в Церкви в своей обновке,

² Преображенский Евгений Алексеевич. Автобиография // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41. Ч. 2. С. 120. (далее – Автобиография). О жизни Е. А. Преображенского в 1886–1905 гг. см.: Горин М. М. Евгений Преображенский: становление революционера // Отечественная история. 1999. № 1.

³ Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 5/6.

я робко искал глазами и находил его – в его уродстве. Правда... я отлично приспособлялся к некоторому духовному неудобству и благополучно забывал об укорах совести. Но они всегда были, эти укоры. И психология «кающегося интеллигента», которую он не умеет отличить от христианского покаяния, вместе с его «народничеством» зародилась именно здесь⁴.

2) *Внимание к морально-нравственным вопросам, личное воплощение норм революционной этики.* Е. А. Преображенский в 1923 г. создаст чуть ли не единственную в большевистском стане работу, специально посвященную морально-нравственным вопросам – «О морали и классовых нормах». Его самого можно назвать «совестью партии». Евгений Алексеевич – редчайшая черта для политика – не мог лукавить. Вынужденный каяться на XVII съезде ВКП(б), он признавался: «Когда надо что-нибудь политическое сказать не совсем так, как думаешь, у меня язык не поворачивается. Старые товарищи знают этот мой политический недостаток»⁵. Преображенский из числа очень немногих, кто в сталинских застенках не дал ломавших чужие судьбы показаний⁶.

3) *Интеллектуальная потребность в поисках замены русской православной космологии.* Ряд работ Е. А. Преображенского, прежде всего, «Азбука коммунизма», «Новая экономика» являются очевидной попыткой создания системной, целостной модели мира, альтернативного и православной космологии, и буржуазной парадигме.

Итак, в конце 1903 г. Преображенский вступает в РСДРП, примыкая к ее большевистскому крылу.

Почему из всего многообразия революционных учений того времени Преображенский, и не он один, выбрал марксизм? «Триумфальное шествие» учения Карла Маркса в среде русской интеллигенции той эпохи, думается, являлось результатом весьма сложного социально-психологического феномена, сердцевиной которого стало именно «расправославливание» чувства и сознания.

Что мы имеем в виду? Душевный строй воспитанного в лоне Православной церкви человека отличается, на наш взгляд, тремя главными особенностями: 1) в сфере эмоций – доминированием чувства искренней любви и сострадания к ближнему; 2) в рациональной области – оптимистичным дуализмом: осознанием мира, мировой истории как постоянной борьбы светлого и темного начал, призванной завершиться, в конечном счете, победой светлых сил: утверждением сознательно выбранного, принятого человечеством Царствия Божия⁷; 3) в навыках бытовой повседневности –

⁴ Булгаков С. Н. Моя Родина. Избранное. Орел, 1996. С. 13–19.

⁵ XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 238.

⁶ См.: Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

⁷ См. напр.: Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 31.

стремлением к упорядоченности, цикличности обыденной жизни: каждый верующий включен в дневной, недельный, годичный цикл молитв и обрядов, праздников и постов.

Православный, утратив веру, не утрачивал вместе с ней сформированного православием склада души: она оставалась проникнутой любовью к человеку, воспринимала мир в парадигме оптимистичного дуализма, стремилась к упорядоченной повседневности. И, думается, из всех тогдашних революционных учений в наибольшей степени отвечал душевным чаяниям «разуверившихся верующих» именно марксизм. Его социальный императив – борьба за счастье обездоленных, трудящихся – удовлетворял потребность в любви «к Пахомам и к Сидорам». Его философия – диалектический и исторический материализм, увенчанный коммунистической эсхатологией, – довольно неплохо «состыковывался» с дуалистическо-оптимистической православной мировоззренческой доктриной. Его политико-экономический идеал – планируемая экономика – обещал «расправославленному» человеку вернуть утраченную упорядоченность бытия.

Огромную роль в заразительности, притягательности марксизма играли также его подчеркнутые объективизм, «научность» и техницизм, столь отвечавшие самому духу той рационалистической эпохи.

И еще одна важнейшая особенность марксизма, делавшая это учение необычайно привлекательным для русских бунтарей рубежа XIX – XX веков. Строгая научность не лишала его последователей свободы воли: наоборот, давала надежное основание субъективно-историческому творчеству личности – рационализировала «безумство храбрых». И здесь опять-таки марксизм прекрасно сопрягался с православной идеей свободы воли. Согласно учению восточных отцов Церкви, человек свободен в выборе между добром и злом. Протестанты же заявляют об изначальном предопределении Всевышним судьба каждого.

К активному вмешательству революционеров в исторический процесс звал знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁸. Не уповать на автоматизм действия законов истории призывала максима К. Маркса и Ф. Энгельса о том, «что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» («Немецкая идеология»)⁹.

О том же свидетельствовала концепция свободы как познанной необходимости, блестящую интерпретацию которой дал С. Е. Кургинян:

«Человек... никогда не капитулирует НИ ПЕРЕД КАКОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ. Не в этом ли глубинный смысл гегелевской фразы, повторенной Марксом: «Свобода есть познанная необходимость»?

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. М., 1955. С. 4.

⁹ Там же. С. 37.

Из сути творчества Маркса ясно, что смысл отнюдь не в том, что, мол, «познали и успокоились». Нет, познали – и преодолели необходимость. Победили ее. В каком-то смысле – изгнали... [...] Хочу обратить внимание читателя на нетривиальное утверждение... «Философы лишь различными способами *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы его *изменить*». Стоит соотнести эту нетривиальность с утверждением о «познанной необходимости», которая вдруг оказывается свободой. А также с односмысленным к этому «из царства необходимости в царство свободы».

Нет, не признает Человек никакого рока, в том числе и рока необходимости (то бишь этих самых «объективных законов»). Да, он будет эти законы признавать. Но лишь для того, чтобы преодолеть»¹⁰.

И чуть ниже: «Человек познал законы гравитации как необходимость и эту необходимость преодолел. Для того и познал, чтобы преодолеть. Суть человека в амбициозности. А суть амбициозности именно в этом: познать и преодолеть. Сначала человек бился в эту необходимость, как бабочка в стекло. Падал, смотрел на птицу. Не понимал, почему она летать может, а он нет. Сочинял миф об Икаре. Потом разобрался, что к чему (неумолимый закон гравитации). А потом открыл законы термодинамики, то есть нашел «щели» в его неумолимости. И полетел.

Человек открывает законы затем, чтобы себя раздражить. Закон говорит: «Ну, теперь-то ты понял, что этого, этого и этого нельзя сделать по таким-то объективным причинам?» Человек отвечает: «Понял!» И тут же начинает думать о том, как превратить «нельзя» в «можно». [...]

Объективность есть. Возражать против этого глупо и смешно. Недаром романтизм так густо настоен на инфантильности. Нет, возражать можно только против АБСОЛЮТИЗАЦИИ объективности. Да и то примерно так, как это делал Василий Иванович Чапаев: «Психическая, говоришь? Хрен с ней, давай психическую!»¹¹.

Е. А. Преображенский не читал С. Е. Кургиняна. Но суть марксизма как предельно рационального идеалистического волюнтаризма, очевидно, чувствовал. По справедливому замечанию Л. Зандера, «марксизм представлялся русской молодежи научно обоснованным социальным идеализмом, верным путем служения народу, бесспорным залогом прогресса и благоденствия»¹².

Итак, Преображенский обретает новую тотальность мирозерцания: место «антинаучного» православия занимает «научный коммунизм».

¹⁰ Кургинян С. Е. Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: в 2-х тт. М.: МОФ ЭТЦ, 2009. Т. 1. С. 320.

¹¹ Там же. С. 322–323.

¹² Зандер Л. Отец Сергей Булгаков: Краткий очерк его жизни и творчества // Булгаков С., протоиерей. Православие. Очерки учения православной церкви. 3-е изд. Paris, 1989. С. 6.

«Духом окрепнем в борьбе»: 1905–1917 гг.

Начавшаяся в 1905 г. революция постепенно втягивает молодого революционера в гущу событий тогдашней политической жизни. В октябре 1905 г. он кооптируется в Орловский комитет РСДРП, в ноябре переезжает в Москву, где, будучи ответственным пропагандистом Пресненского района, принимает активное участие в декабрьских баррикадных боях на Красной Пресне.

Именно революционная Москва 1905 г. стала, по выражению В. И. Ленина, «генеральной репетицией» победоносной октябрьской революции 1917 г. Анализируя московский опыт, революционеры совершенствовали стратегию завоевания власти, формы политической организации масс (прежде всего, Советов), методы «борьбы за армию». Но, пожалуй, более существенным было даже другое – не рассудочно-рациональное, а чувственно-эмоциональное.

Декабрьские бои стали для рабочих и их вождей той «огненной купелью», пройдя через которую, они очистили свои души от всего мелкого, мелочного, «обывательского» («...революционная борьба делает людей чище, лучше, освобождая их от всего наносного, подобно опытному земледельцу, который, ухаживая за растением, заглушает в нем вредные и развивает полезные свойства» – Эрнесто Че Гевара¹³), «духом окрепли в борьбе», закалили волю («как закалялась сталь») для последующих сражений. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали в «Немецкой идеологии»: «...как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹⁴.

На Красной Пресне не только руководители, но и широкие пролетарские массы обрели ту «мистику революции», без которой не бывает победоносных классовых битв. Ее сущностные черты: «верность памяти павших», стремление «отомстить палачам», чувство «причастности к общему делу», и, пожалуй, главное – подтвержденная *на практике* убежденность в реальности революционных идеалов. В данном конкретном, «большевистском», случае – уверенность в возможности рабочего самоуправления как ядра принципиально новой власти (марксовой «диктатуры пролетариата»), открывающей дорогу к созиданию совершенно иного, основанного на началах высшей справедливости («свободное развитие каждого – условие свободно-го развития всех») общества – коммунизма.

¹³ Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. М., 1974. С. 234.

¹⁴ Марк К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 70.

На территории Пресни революционеры установили свою власть, очень похожую на Парижскую Коммуну. Здесь были сняты все полицейские посты. За поддержанием порядка следили районный Совет и штаб боевых дружин во главе с большевиком З. Я. Литвиным-Седым. Рабочая власть заставила перепуганных булочников печь хлеб, а торговцев – торговать; были закрыты винные лавки, пивные и трактиры; за время революционной власти не было ни одного случая воровства. По словам очевидца, царило настроение «необычайной общности интересов и готовности помочь друг другу». В Москве 1905 г. родился революционный миф, ставший в 1917 г. реальностью¹⁵.

Думается, именно московские бои стали тем решающим, «критическим экспериментом», который превратил юношу-бунтаря (Евгению Преображенскому было в 1905 г. девятнадцать лет) в профессионального революционера.

После подавления Декабрьского вооруженного восстания по предложению руководителя Московского комитета РСДРП А. И. Рыкова Преображенский отправляется на Урал. Здесь судьба сводит его с Я. М. Свердловым и его женой, К. Т. Новгородцевой. Преображенский ведет работу в Екатеринбурге, Челябинске, Перми и наиболее активно – в Уфе и Златоусте. Входит в состав Уральского областного бюро РСДРП. Летом 1907 г. в качестве делегата от Урала его направляют на Всероссийскую партийную конференцию в Финляндии, где он знакомится с В. И. Лениным. Одновременно в 1907–1908 гг. Преображенский обучается на юридическом факультете Московского университета, который, однако, ему так и не удается закончить.

Все более пристальный интерес к «Леониду» (партийная кличка Преображенского в эти годы) проявляет полиция. Его неоднократно арестовывают, но пока из-за недостатка улик отпускают на свободу. В документах Охранного отделения Преображенский характеризуется как «видный член Российской социал-демократической рабочей партии». Молодой революционер становится известен высшим чинам охранки. «Все функции областного комитета», – отмечается в письме начальника Пермского охранного отделения от 20 апреля 1908 г. директору Департамента полиции, – «в настоящее время выполняются одним товарищем «Леонидом»». Круг сужается. После очередного ареста Преображенский осенью 1909 г. был осужден, получив ссылку на поселение, которую отбывал в с. Воробьеве Карабчанской волости Киренского уезда Иркутской губернии¹⁶.

В тюрьме и ссылке революционеры часто создавали коммуны, основанные на принципах общности имущества, самоуправления, товарищеской взаимопомощи. Так, в 1910 г. в Александровской пересыльной тюрьме часть заключенных, в том

¹⁵ См.: Красная Пресня в 1905–17 году. М., 1930; 1905 год в Москве. М., 1955.

¹⁶ Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

числе Е. А. Преображенский, создали «коллектив» (коммуну). Один из ее участников вспоминал: «Все средства, получаемые каждым членом коммуны с воли, становились общими и расходовались на закупку продуктов для коммуны. На каждую коммуно отпускаясь определенная сумма денег, в зависимости от количества ее членов». Коммуна не была богата, но не было внутри нее «и вопиющего неравенства, когда одни товарищи в изобилии имели все, а другие ничего...»¹⁷.

В общем, жили, как в апостольские времена: «Все же верующие были вместе и имели все общее: И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого...» (Деяния святых Апостолов, 44, 45).

Коммунальный опыт тюрьмы и ссылки стал для Преображенского еще одним экзистенциальным подтверждением того, что иной, основанный на началах взаимопомощи, а не эгоизма, мир возможен.

В те годы Е. А. Преображенский порой напоминал апостола новой веры. Бобровников, слушатель кружка учащейся молодежи, в котором Евгений Алексеевич в годы ссылки читал лекции, вспоминал: «Про себя скажу, что мое сознательное существование, которое уже имеет какой-то смысл, начинается с того момента, когда я вступил в эту организацию. Я думаю, что это является общепризнаваемым признаком для всех участников нашей организации. В то время меня очень мучил вопрос о смысле жизни – для чего люди существуют... Когда я вступил в эту организацию, я увидел, в чем смысл. Если до этого моя жизнь не представляла никакой ценности, то с этого момента я почувствовал интерес к жизни, стал лучше учиться (а до этого имел очень плохие отметки), появилась энергия, вкус, интерес к жизни и все осветилось определенным светом...»¹⁸.

Итак, если время до вступления в большевистскую партию было для Преображенского этапом выработки революционного марксистского мировоззрения, то период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России стал для него «огненной купелью», окунувшись в которую, он закалил волю, убедился на практике в возможности бытия, основанного на принципах коллективизма.

Тогда же начинается и его литературное творчество.

15 октября 1907 г. в «Уральском рабочем» Е. А. Преображенский публикует статью «К современному моменту», в которой обосновывает свое видение перспектив революционной борьбы.

Разберем подробно эту самую раннюю из известных нам работ Преображенского. Ибо в ней мы уже обнаруживаем характерные черты его творческого метода, «фирменные» особенности стиля. К ним, на наш взгляд, относятся:

¹⁷ Виноградов (Ягодина) Ф. Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910 году // Иркутская ссылка. Сб. иркутского землячества. М., 1934.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1028. Л. 7.

1) четкая, предельно жесткая, исключая двусмысленные толкования, постановка вопроса; 2) углубленный анализ экономической составляющей проблемы как безусловной для марксиста основы для последующих выводов; 3) не апелляция к догме, а «конкретный анализ конкретной ситуации» («живая душа марксизма» по Ленину); 4) четкие, но, как правило, вариативные (альтернативные) выводы, в которых прогнозируется жестко обусловленная экономическими процессами ведущая тенденция общественно-политического развития страны, и намечаются отнюдь не детерминированные формы, темпы ее реализации; 5) логическая стройность изложения. Статьи и книги Преображенского подобны постановке и решению алгебраической задачи, что не исключает, особенно это касается его публицистики, метафоричности и образности языка.

Итак, 1) постановка проблемы: «...Вопрос о том, закончилась ли русская революция декабрьским поражением пролетариата [имеется в виду декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г. Авт.] и мы вступили в период «конституционных» будней, употребляя выражение Ленина, или же революция продолжается, испытывая лишь временный упадок, – этот вопрос неотвязно стоит перед каждым соц[иал]-демократом. И не удивительно: от ответа на поставленный вопрос зависит тот характер, который должна принять тактика соц[иал]-демократии в настоящий момент»¹⁹.

2) Экономический анализ: «Но чтобы ответить на поставленный вопрос, мы должны с политической поверхности совершающегося углубиться в экономический анализ страны... Экономический анализ, который должен дать нам ответ на поставленный вопрос, может быть двух родов: общий экономический анализ страны и анализ экономических отношений данного момента. Что общезкономический анализ дает неопровержимые доказательства огромной потенциальной силы революции, – об этом нет спора в наших рядах.

Развитие производительных сил России прямо уперлось в радикальное решение аграрного вопроса. Развитие промышленности не может сделать шагу без увеличения покупательной способности сельского населения. Увеличение этой способности не может сделать шагу без увеличения площади крестьянского землевладения, но увеличения не столыпинским путем через крестьянский банк – такой путь не увеличивает покупательной способности деревни, – а лишь путем экспроприации помещичьих и казенных земель в пользу крестьянства. [...] Одним словом, общий экономический анализ страны говорит о неизбежности дальнейшего развития революции и ее полной победе»²⁰.

3) «Конкретный анализ конкретной ситуации»: «Но, по-видимому, совсем другое говорит анализ экономических отношений и тенденций современного момента. Рус-

¹⁹ Л-д [Леонид, уральский псевдоним Е. А. Преображенского]. К современному моменту // Уральский рабочий. 1907. 15 октября.

²⁰ Там же.

ская промышленность переживает сейчас несомненный подъем. [...] Констатируется быстрое увеличение процесса накопления капиталов, вместе с тем наблюдается сокращение безработицы в сравнении с летом прошлого года.

Какое значение имеет факт промышленного подъема, известно каждому марксисту. Но факт промышленного подъема мог бы явиться огромным козырем в руках тех, кто говорит о конце революции, лишь в том случае, если бы было доказано, что замечаемый промышленный подъем означает наступление нормальных условий для капиталистического развития России. А как раз исследование причин и самого характера настоящего подъема приводит нас к совсем противоположным выводам».

В чем же дело?

По мнению Преображенского, «главной причиной подъема является увеличение покупательной способности крестьянства и пролетариата, явившееся прямым результатом экономических завоеваний революции.

Упорная борьба крестьянства и сельского пролетариата с помещиками, которой отмечен 1905 и частью 1906 г., привели к значительному уменьшению аренды и к увеличению заработной платы сельских рабочих; те же следствия имела и экономическая борьба городских рабочих с предпринимателями. Увеличение годового бюджета крестьянства и пролетариата, увеличение, следовательно, их покупательной способности – вот главная причина теперешнего оживления в промышленности».

Однако действие этих факторов исчерпано: с упадком революции положение пролетариата и крестьянства ухудшается, а, значит, исчезают и условия промышленного подъема.

«Итак, теперешний промышленный подъем есть временное улучшение на фоне глубокого угнетения всего экономического организма страны, угнетения, которое не кончится прежде, чем аграрный вопрос будет решен в благоприятном для крестьян смысле. А радикальное решение аграрного вопроса тесно связано с доведением до конца начавшейся революции»²¹.

4) **Выводы:** «...Сущность современного момента можно охарактеризовать так: раздробление активных революционных сил на политической поверхности, концентрация потенциальных сил революции в экономической глубине»²². «Будет ли эта победа [революции] полной, будет ли революция доведена до конца, будет ли Россия республикой или же революция кончится частичной победой над старым режимом – нельзя учесть с полной вероятностью. Ясно лишь одно – завоевано слишком мало, чтоб возникшее движение замерло в самом начале»²³. Иными словами, «революция продолжается, испытывая лишь временный упадок».

²¹ Л-д [Леонид, уральский псевдоним Е. А. Преображенского]. К современному моменту // Уральский рабочий. 1907. 15 октября.

²² Там же.

²³ Там же.

Надо признать, что история подтвердила конечную правоту анализа Преображенского. Торжество реакции было недолгим: в 1917 г. революция вспыхнет с новой, неуправляемой силой. Правда, молодой революционер, очевидно, рассчитывал на более близкие сроки.

В 1912 г., после побега из ссылки, Преображенский несколько месяцев работает секретарем ново-николаевской «Обской жизни». Он публикует в ней свыше 60 статей самой разнообразной тематики: политические памфлеты и экономические очерки, обзоры рабочего движения и художественной прозы и др. Эта «болдинская осень» нашего героя – свидетельство глубины и разносторонности его творческого потенциала, который раскроется после революции, правда, преимущественно в экономической своей ипостаси²⁴.

На гребне революционной волны: 1917–1921 гг.

Февраль 1917 г. застал Е. А. Преображенского в Чите. Его выбирают товарищем председателя Читинского городского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом президиума Комитета общественных организаций города. Читинский Совет стоял на позициях сотрудничества с Комитетом общественных организаций и условной поддержки Временного правительства. Впрочем, до апрельских тезисов В. И. Ленина аналогичных воззрений, как мы знаем, придерживались и многие «старые большевики»: Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и др. Причем – они опирались на соответствующие ленинские установки периода первой русской революции. Ведь большевистский лидер прогнозировал тогда установление революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян на первом этапе русской революции, возможность вхождения социал-демократов во временное революционное правительство и др. Не отличались радикализмом и тогдашние взгляды Преображенского, исходившего из оценки свершившейся революции как «буржуазной по своим задачам, но [которая] осуществляется силами революционного пролетариата и крестьянства». Разъясняя суть двух частей Программы РСДРП (программы-минимум и программы-максимум), он, в частности, отмечал: «В нашей теперешней революции мы можем достигнуть только первой части нашей программы, только ближайших требований. Для достижения же второй части нужно, чтобы рабочий класс стал самым сильным классом в стране, чтоб, освободившись от капиталистов, он был способен сам вести все дело производства. А для этого нужна не только вторая, на этот раз уже социалистическая революция, но и то, чтоб развитие нашей промышленности достигло такой степени, что

²⁴ См.: Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886-1920 гг. М., 2006.

устранение капитала могло бы совершиться легко и безболезненно. Пока же нам до этого далеко...». В общем, вполне меньшевистские оценки²⁵.

Однако постепенно наш герой «левее». Подчеркнем, что именно постепенно. Вплоть до Октября он достаточно пессимистично оценивал перспективы русской революции. В Чите Евгения Алексеевича избирают делегатом на 1-й Восточносибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (7–10 апреля 1917 г.). Затем Преображенский возвращается на Урал, в Златоуст, где его выбирают делегатом на I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.). Выступая на съезде, он говорил: «Я думаю... мы находимся накануне перелома русской революции и, быть может, нам скоро придется сказать, что русская революция кончилась, что русская революция дала максимум того, что она могла дать».

После съезда, на котором он был избран членом ВЦИК, Евгений Алексеевич возвращается на Урал. Но вскоре он уже среди делегатов VI съезда РСДРП(б) (26 июля – 3 августа): избирается в мандатную комиссию, кандидатом в члены ЦК. При голосовании пункта 9 резолюции «О политическом положении» по докладу И. В. Сталина между Сталиным и Преображенским разгорелся спор. В сталинской резолюции перед революционными классами России ставилась задача взятия власти и ее направления «в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества», Преображенский предложил иную редакцию: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму». Это предложение вызвало резкое несогласие Сталина: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь». Эта полемика предвосхитила последующие острейшие споры середины 20-х гг. по вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

На съезде Преображенский указал на двоякую возможность дальнейшего развития событий. Либо «соглашение между контрреволюционной буржуазией, капиталистами, помещиками и крестьянами», в таком случае «победа контрреволюции может оказаться более глубокой, чем мы думаем, и тогда революция в национальных пределах кончена...». Либо «на почве невозможности разрешить все конфликты мелкой буржуазии с крупной... мы будем поставлены перед новым взрывом революции», пролетарско-крестьянской по своим движущим силам. В отличие от Сталина (докладчика от ЦК), доказывавшего, что «мирный период революции кончился», а потому следует снять лозунг «Вся власть Советам!», Преображенский утверждал: «Роль Советов еще не кончена. Их состав может измениться. Лозунг «Вся власть Советам!»

²⁵ См.: Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

должен быть сохранен, поскольку возможность аграрной революции не исключена». Поэтому он расценивал «взрывы» прямого политического действия рабочих и крестьян (подобные июльскому) лишь как «подсобное средство», а не как «основное средство борьбы». Иными словами, Преображенский выступал за мирное взятие власти Советами.

Октябрьскую революцию Евгений Алексеевич встретил на Урале, в Златоусте. Его делегировали на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где он был вновь избран членом ВЦИК. Одновременно Преображенский входит в руководство Уральской областной организации большевиков. А в мае 1918 г. становится председателем Уральского областного комитета РКП(б).

Весной 1918 г. Преображенский – один из лидеров «левых коммунистов». Он полагал, что лишь «революционное содержание» деятельности советской власти «служило фактором европейской революции. Отнимите у нее это содержание, и тогда... она превратится неизбежно на практике в орудие германского империализма... Такая власть скомпрометировала бы самую идею диктатуры пролетариата... Весь план т. Ленина является, в сущности говоря, попыткой спасти жизнь советской власти посредством самоубийства». Отсюда делался вывод: «Революционная война, как бы слабо мы ни были к ней подготовлены, неизбежна... Эта война укрепит советскую власть внутри страны, и никакие поражения на внешнем фронте не в состоянии будут ее свалить». Почти вся парторганизация Урала поддержала позицию «левых коммунистов».

Преображенский не остался в стороне и в апреле – мае 1918 г., когда обсуждались вопросы экономической организации нового общества. Н. И. Бухарин, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, Г. Сафаров и другие лидеры «левых» отрицательно отнеслись к идее Ленина использовать государственно-капиталистические формы при организации хозяйства²⁶.

«Реальная власть класса», – отмечал Н. И. Бухарин в № 3 «Коммуниста», – «складывается из двух элементов: из его политической власти и из его власти в сфере экономической, причем решающим обстоятельством, в конечном счете, является степень достигнутого влияния в производстве». «Может создаться известное несоответствие между экономическим и политическим режимом, причем давление «экономики» будет способствовать перерождению «политики»... Если бы тенденции к соглашению с капиталом получили решительный перевес (чего еще, к счастью нет), тогда бы создалась постепенно крепкая командная власть капиталистов в экономике,

²⁶ См. Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

которая рано или поздно спихнула бы совсем неподходящую для нее политическую надстройку...»²⁷.

Оставаясь на позициях ортодоксального марксизма, возразить на эти аргументы Н. И. Бухарина было нечего. Но в том-то и была сила В. И. Ленина как политика, что всякий раз, когда он сталкивался с противоречием доктрины и реальности, он предпочитал не жизнь подчинять догме, а ревизовать доктрину. Так было в пору его политической молодости, когда, столкнувшись с, казалось бы, абсолютно неподходящими условиями для деятельности революционной марксистской партии – полуфеодальной страной с малочисленным рабочим классом, – он обосновывает концепцию особой роли революционной элиты, «вносящей» социалистическое сознание в «отсталый» пролетариат; как бы компенсирующей своей беззаветной борьбой социально-экономическую «незрелость» общества для социализма. Так случилось и теперь, когда, овладев бесконтрольной властью над корчившейся в судорогах революции страной, он, быть может, не столько осознал, сколько почувствовал, что доктрина доктриной, а государственная власть, опирающаяся на значительный массив национализированной собственности – это реальность, представляющая собой самостоятельный фактор – и политики, и экономики. Тем более в России, с ее давними этактистскими традициями.

Соответственно, «левые», в формуле «*диктатура пролетариата*» делали акцент на *пролетариате*, призывая Советскую власть и большевистскую партию «искать себе опору в классовой самостоятельности широких масс, на развитие которой должны быть направлены все усилия»²⁸. Ленин же, непосредственно державший в своих руках штурвал «пролетарской власти», ставил на *диктатуру*.

Так, в неопубликованном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» он планировал введение «промышленных судов для установления меры труда, для привлечения к ответственности всякого злостного нарушителя этой меры...»²⁹. В изданном же тексте высказался за предоставление диктаторских полномочий хозяйственным руководителям³⁰.

Что дало основание Е. А. Преображенскому пророчески заявить: «...Скоро, по-видимому, партии придется решить вопрос, в какой мере диктатура отдельных лиц может распространяться с железных дорог и прочих отраслей хозяйства на Российскую коммунистическую партию»³¹.

²⁷ Бухарин Н. И. Некоторые основные понятия современной экономики // Коммунист. 1918. № 3. С. 10–11.

²⁸ Тезисы о текущем моменте // Коммунист. 1918. № 1. С. 9.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 146.

³⁰ Там же. С. 194–203.

³¹ Преображенский Е. Съезд необходим // Коммунист. 1918. № 4. С. 13–14.

Однако почва для разногласий в области организации экономики, как чуть ранее по вопросу революционной войны, вскоре практически исчезла. Обострение политического противоборства, принявшего с момента выступления в мае 1918 г. чехословацкого корпуса форму гражданской войны, ухудшение экономического положения вызвали ужесточение политико-экономического курса большевистской власти. «Умеренные ленинские предложения были отброшены», – пишет Стивен Коэн, – «и был принят совсем другой, радикальный курс, ставший известным как «военный коммунизм»»³².

Левизна Преображенского на послеоктябрьском этапе российского революционного процесса ничуть не противоречила его умеренности в период от Февраля к Октябрю. В основе и той, и другой позиции лежала общая причина: осознание того факта, что материальных, экономических предпосылок для социализма в стране недостаточно. Отсюда – до Октября – стремление не брать преждевременно власть, а после – желание компенсировать слабость материальной базы пролетарского режима в России радикализацией политико-экономических процессов, чтобы, по терминологии тех лет, «не переродиться», «не предать мировую революцию», «продержаться» до нее и т. д.

В мае – июне 1918 г. Преображенский – один из организаторов отпора белочехам. На Урале, охваченном пламенем Гражданской войны, он создает свою первую крупную работу «Анархизм и коммунизм», в которой с марксистских позиций анализирует теорию и практику европейского и российского анархизма.

В июле 1918 г., будучи делегатом от Урала на V съезде Советов, он участвовал в разгроме партии левых эсеров в Москве, был контужен. Затем командирован на несколько дней в район Курска, чтобы поддержать дисциплину в расположенных здесь воинских частях.

После падения Екатеринбурга, когда красные отступали на север, Преображенский возвращается на Урал, где возглавляет Уральский областной комитет партии, взявший на себя функции политотдела 3-й армии.

Поскольку Уральское областное объединение в ходе Гражданской войны потеряло почти всю свою территорию, ЦК постановил распустить Уральский областной комитет. В начале января 1919 г. Преображенский отзывается в Москву, где начинает работать в редакции «Правды». От Пензенской губернской организации РКП(б) он делегируется на VIII съезд партии (март 1919 г.). Вместе с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Пятаковым, Евдокимовым и Сидовичем его избирают в Президиум съезда. Он входит в состав Программной комиссии, редактировавшей и готовившей окончательный вариант Программы РКП(б), принятой на съезде. Вскоре после этого на материале текста Программы Преображенский и Бухарин всего за три недели

³² Коэн С. Бухарин и большевистская революция. Политическая биография. 1888–1938. М. – Минск, 1989. С. 108.

напишут знаменитую «Азбуку коммунизма» – популярный учебник коммунистической грамоты для партийных школ³³.

В преддверии VIII съезда РКП(б) Евгений Алексеевич инициирует на страницах «Правды» внутрипартийную дискуссию. (См. статью «Надо готовиться к съезду» от 1 февраля 1919 г.). Ее цель – поставить и обсудить наиболее острые политические проблемы. К ним, по его мнению, относились:

1) Кризис в партии. Преображенский предлагал осуществить «коренную чистку партии от лжекоммунистов. Определить «причины отмирания партийной жизни, бывшей ключом в былое время» и способы «использования живого партийного опыта по мере его накопления, а не раз в год на очередном съезде». Провести «реформу в организации Ц.К. партии».

2) Советская работа. По его мнению, вопрос имел две стороны: «о формах пролетарской диктатуры, наиболее целесообразных для данного момента, и вопрос о язвах советской организации и мерах борьбы с ними».

3) Красная армия. Преображенский, прежде всего, имел в виду проблему военных специалистов.

4) Отношение пролетариата к среднему крестьянству. Евгений Алексеевич предлагал конкретизировать линию партии в крестьянском вопросе после роспуска комбедов.

5) Он также предлагал провести дискуссию «по вопросу о программе...»³⁴.

В соответствии с заявленной «повесткой дня» Преображенский публикует на страницах «Еженедельника «Правды»» (издавался в 1919 г. как воскресное приложение к центральному партийному органу) серию статей. Центральное место среди них занимает работа «О формах пролетарской диктатуры» («Еженедельник «Правды» от 9 февраля, 2 марта и 16 марта 1919 г. – в последнем номере с подзаголовком «Недостатки советской власти»).

В этой работе Преображенский выделяет три этапа (формы) развития диктатуры пролетариата: 1) «полновластные Советы»; 2) «централизованная форма пролетарской диктатуры»; 3) «государство-коммуна». По его мнению, они различаются по своим задачам, а также международным, внутривластным и экономическим условиям существования.

Первая форма пролетарской диктатуры – «полновластные Советы». Она существовала со времени возникновения Советов до первых месяцев 1918 г.³⁵. В этот период Советы «обладали полнотой власти по всем почти вопросам, и местным и обще-

³³ Горин М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

³⁴ Преображенский Е. Надо готовиться к съезду // Правда. 1919. 1 февраля.

³⁵ Преображенский Е. О формах пролетарской диктатуры // Еженедельник «Правды». 1919. 2 марта.

государственным», а «массы на местах могли диктовать свою волю Советам»³⁶. «В Советы выбирались поголовно все рабочие». Решения Советов считались законом, «которому все беспрекословно повиновались без всякого внешнего принуждения, всеми вопросами, обсуждавшимися в Советах, массы глубоко интересовались, и заседания Совета посещались тысячными толпами... Все вопросы решались быстро, не было никакой канцелярщины и бюрократизма, и массы как бы были зачарованы новой формой власти, в которой не чувствовалось власти как органа принуждения. На защиту Советов все в любой момент готовы были подняться как один человек, потому что защищать их – значило защищать самих себя»³⁷.

По мнению Преображенского, полномочие Советов оказалось возможным, в первую очередь, потому, что они были заняты решением относительно простых – разрушительных «в отношении к пережиткам буржуазно-дворянского строя» задач. «Советы этого периода были органами организованного разложения институтов самодержавно-дворянского, а затем и буржуазного строя. Они умеряли пыл низов, вносили известную стройность в стихийный процесс...». «Работа разрушения – веселая, легкая работа, между словом и делом в такие периоды дистанция не особенно большого размера».

Существование первой формы диктатуры пролетариата оказалось также возможным в силу крайне благоприятных для рабочего класса международных, экономических и внутривнутриполитических условий.

Во-первых, практически отсутствовала внешняя угроза.

Во-вторых, рабочий класс мог воспользоваться доставшимися ему в наследство от старого мира ресурсами.

В-третьих, политические противники диктатуры пролетариата внутри страны оказались на какое-то время почти полностью деморализованными и дезорганизованными³⁸.

Характеристику первого этапа Преображенский заканчивает элегически: ««Счастливая, невозвратная пора детства», – писал Толстой. Детство Советов – счастливая пора, но для нас самое важное теперь, что это н е в о з в р а т н а я пора»³⁹.

Второй этап диктатуры пролетариата в России, по Преображенскому, — «централизованная форма пролетарской диктатуры». Ее основные черты – «усиление централизации и... ограничение самостоятельности советской демократии», а главная

³⁶ Преображенский Е. О формах пролетарской диктатуры // Ежедневник «Правды». 1919. 9 февраля.

³⁷ Преображенский Е. О формах пролетарской диктатуры // Ежедневник «Правды». 1919. 2 марта.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

задача – «с невероятным напряжением духовных и физических сил народа строить регулярную армию гражданской войны».

Эта форма пролетарской диктатуры сложилась в результате резкого ухудшения международных, внутривнутриполитических и экономических условий существования Советской России. Не произошло ожидавшегося краха «капиталистических отношений в передовых странах». Внутренняя контрреволюция оправилась от шока. «В области экономической приходится производить и создавать запасы при чрезвычайно тягостных условиях, вместо того, чтоб распределять уже произведенное».

Ограничение полновластия Советов было также связано с тем, что диктатуру пролетариата приходилось осуществлять в крестьянской стране: «Для иллюстрации приведу живой пример. На Урале есть один уезд, в котором пролетарскую диктатуру пришлось вводить путем насилия меньшинства пришлых рабочих и меньшинства местной бедноты над большинством кулацкого и идущего за кулаками среднего крестьянства. В довершение беды пришлые «диктаторы» из рабочих сами разложились в результате безответственности и удаленности от крупных партийных центров, которые их посылали. Чем помочь здесь беде? «Развернутой формой рабоче-крестьянской диктатуры»? Это значило бы создать «развернутые формы» для кулацкой контрреволюции. Усилением партийного контроля, усилением диктатуры над диктаторами? Это единственно возможное средство, но оно означает концентрацию, а не ослабление диктатуры. Уничтожить резкие формы диктатуры, подчас единоличной или узкогрупповой, со всеми ее опасностями, с проявлением извращения и гниения советского организма в данном месте и в других аналогичных условиях по всей России, можно лишь после окончательной победы нашей в гражданской войне».

Но, кроме временных, существовала еще одна, фундаментальная, причина усиления в советском обществе централизации и связанного с ней бюрократизма. По мнению Преображенского, она порождалась экономической природой советского общества: была следствием того, что «социализм есть централизованное общественное хозяйство».

Иными словами, Преображенский высказывает пророческую мысль о централизме и порождаемом им бюрократизме как родовой черте социализма (по крайней мере, той его формы, в которой представляли первую фазу коммунизма тогдашние ортодоксальные марксисты, – государственного социализма); как объективном факторе, коренящемся в самой сути экономической организации нового общества.

О третьей форме диктатуры пролетариата – «государстве-коммуне», «развернутой форме рабоче-крестьянской демократии», «рассчитанной на отмирание государственных учреждений вообще», Преображенский пишет совсем немного – как о перспективе, к которой «теперь же необходимо готовиться».

Изучение трех этапов (форм) диктатуры пролетариата в России не было для Преображенского самоцелью. Это прелюдия для анализа главной проблемы – «какие стороны диктатуры второго периода являются более или менее случайными, урод-

ливо лишними и преодолимыми и какие связаны с самым существом этого периода и с самим существованием советской власти в данных условиях вообще».

Преображенский выделяет целый ряд «уродливостей и извращений» советского организма. Во-первых, тенденцию «заменить самодеятельность масс бюрократическим попечением там, где это попечение излишне, где оно вредно, где массы лучше справляются с теми или иными задачами через свои регулярно переизбираемые органы». Во-вторых, политику «игнорирования пленумов Советов, уклонения от регулярного их созыва». В-третьих, практику «бюрократических нажимов сверху на дельно работающие местные организации». В-четвертых, рождение «у нас привилегированной советской бюрократии, как **экономически** более обеспеченного слоя. Эту язву я считаю самой серьезной из всех». Он призывает «открыто и честно признать: советская бюрократия и советские работники, включая и коммунистов, имеют тенденцию превратиться в привилегированную касту, пользующуюся рядом преимуществ, недоступных рядовым рабочим».

Таким образом, Е. А. Преображенский фактически первым указал на формирование в советском обществе «нового класса» – привилегированной касты бюрократии, которая являлась порождением самого экономического базиса социализма, как централизованного хозяйства.

Начатое в первой статье рассмотрение изъянов Советской власти Преображенский продолжает в третьей, специально посвященной данному вопросу – «О формах пролетарской диктатуры. Недостатки Советской власти».

Большая часть статьи представляет собой острый памфлет, оставивший для истории нелицеприятный портрет «советской» власти в России на втором году ее существования. Преображенский пишет о полной бесконтрольности «избранников от масс»; о превращении «революционеров в совершенно оторванных от масс и психологически отчуждившихся от них чинушей»; о прекращении созыва пленумов Советов; об исчезновении практики отчетов народных избранников перед массами.

Но главный изъян Советской власти Преображенский опять-таки видит в том, «что огромный слой наших советских работников, выборных и невыборных, не только угрожает, но и фактически отчасти превратился в экономически привилегированную касту. Эти привилегии в сравнении с рядовыми рабочими выражаются и в более высокой оплате труда, и в более выгодных квартирных условиях и продовольственных условиях, и в большей легкости использовать средства передвижения, а также добиться необходимого в различных советских учреждениях». «В нашей программе поэтому необходимо специально упомянуть о наметившемся у нас образовании социалистической привилегированной, редко сменяемой бюрократии и о необходимости решительной борьбы с этим злом».

Отметим, что призыв Преображенского не был услышан. В. И. Ленин в то время сводил проблему бюрократизма исключительно к культурной отсталости России в целом и пролетариата в частности, а ее решение – к области воспитания пролета-

риата. Выступая на VIII съезде РКП(б) по вопросу о бюрократизме, вождь большевиков, в частности, отмечал: «...низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием»⁴⁰.

Соответственно и в принятой на восьмом съезде РКП(б) новой программе партии проблема бюрократизма формулировалась исключительно как организационно-культурно-воспитательная (см. 8-й пункт программы)⁴¹.

Важнейшим средством борьбы с изъянами Советской власти Евгений Алексеевич считал чистку партии, в то же время полагая, «что никакая чистка не окажется действительной, если не будет уничтожена главная причина, заставляющая всех проходимцев лнуть к нам в партию, как досадливо упорно лнут мухи к меду. Надо уничтожить все экономические привилегии, связанные с пребыванием в нашей партии, более того, надо сделать пребывание в партии даже несколько экономически невыгодным».

Итак, в конечном счете, единственное средство борьбы с нарастающей бюрократизацией «советского» общества, формированием того, что позже назовут «новым классом», Преображенский видел в большевистской партии. В его представлении партия выступает неким аналогом православного иночества (монашества), католических духовно-рыцарских орденов (сравни у И. В. Сталина уподобление большевистской партии «ордену меченосцев», характеристику большевиков «как людей особого склада, скроенных из особого материала») – сообществом единомышленников, живущим по иным, чем остальной мир, законам. В мотивации членов этой «когорты избранных» полностью отсутствует материальная составляющая. Более того, они «антиматериалистичны», так как принадлежность к их «ордену» «экономически невыгодна». Утопия? Но ведь уже почти два тысячелетия в Православии существует «антиматериалистичное» монашество, которое поддерживает огонь чистой веры, препятствующий Православной церкви превратиться в обмирщенную, теплохладную, лишенную Божественной благодати структуру. До сих пор весьма активны католические ордена – этот ударный отряд католицизма. Так что прецедент есть. Почему бы не попытаться наполнить его новым, коммунистическим, содержанием? Вспомним в связи с этим существовавшую в 20-е годы практику партмаксимума, когда руководи-

⁴⁰ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Политиздат, 1959. С. 61, 62.

⁴¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. С. 44–45.

тели-большевики отчисляли в партийную кассу излишки сверх определенного уровня заработной платы. В результате они часто получали меньше, чем их подчиненные.

В понимании Е. А. Преображенским роли большевистской партии вновь – в который раз! – проступают контуры его изначально православного менталитета.

В годы Гражданской войны большевистская партия не раз испытывала блестящие способности Преображенского-пропагандиста, умевшего в критические моменты вдохнуть веру в победу в уставших, деморализованных бойцов. И после VIII съезда партии Преображенского командируют уполномоченным от ВЦИК и ЦК РКП(б) на его родину, в Орловскую губернию. Его задача – помочь местной власти в мобилизации всех сил и средств на борьбу с наступавшим Деникиным. После освобождения Урала Преображенского направляют на партийную и советскую работу в Уфу, где он пытается наладить деятельность партийных и советских органов, потушить нараставший с конца 1919 г. конфликт на национальной почве между центром и Башреспубликой.

От Уфимской организации Преображенский делегируется на IX съезд РКП(б), состоявшийся в конце марта – начале апреля 1920 г. Съезд избирает его в ЦК, а ЦК – одним из своих трех секретарей и членом Оргбюро. Так революционная волна вознесла Преображенского на самый пик формировавшейся политической пирамиды. Его захлестнула административная работа. Правда, Преображенский успевает написать и издать брошюру «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» – предтечу его будущих книг по финансовым вопросам.

На влиятельном посту секретаря ЦК Евгений Алексеевич делает все возможное, чтобы обуздать бюрократизацию партийного и советского аппарата, расслоение партии на «верхи» и «низы», ее превращение из сообщества альтруистов, поддерживающего революционный огонь, в бюрократическую структуру, губящую революцию. Из письменных обращений в ЦК, личных встреч он видел, что на почве материального неравенства членов партии, привилегий, злоупотреблений аппаратчиков, отсутствия демократизма во многих партийных организациях наметилось противостояние руководства и партийных «низов», требовавших изменения порядков в партии. И Преображенский попытался изменить ситуацию⁴². В августе 1920 г. он выступил с докладом на Комиссии ЦК РКП(б) по вопросу ликвидации неравенства в рядах РКП(б), предложив целый ряд мер для выправления ситуации: восстановить права и значение общих собраний членов партии; делать публичными не только губконференции, но и пленумы губкомов для всех членов партии; предоставить ревизионным комиссиям права судов коммунистической чести; «участие в субботниках сделать абсолютно обязательным для всех, без каких бы то ни было изъятий» и др.

Седьмой пункт предложений Преображенского формулировался следующим образом:

⁴² Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

«В отношении центральных ответственных работников необходимо: а) поручить МК взять их на особый учет, завести для каждого личный дневник с обязательством давать сведения о работе за каждый проведенный день, б) поручить МК произвести статистическое обследование материальных условий жизни и питания московских коммунистов и коммунистов, связанных с Кремлем, и урезать последних в пользу первых, в) отобрать все именные автомобили, обслуживающие обыкновенно в большинстве личные потребности товарищей, и излишние отдать фронту, Совнархозу и Наркомпочтелю, г) обязать каждого наркома и каждого члена коллегии не менее двух раз в году выезжать на места, д) чаще менять состав коллегий путем привлечения выдвигающихся работников с мест»⁴³.

На основе доклада Преображенский подготовил проект циркулярного письма ЦК. Эти же идеи он развил в статье «Коммунист-средняк», опубликованные в номерах «Правды» за 19 и 21 сентября 1920 г. К сожалению, предложения Преображенского фактически были проигнорированы. Ленин придет к схожим мыслям только в своих последних работах, но реализовать их уже не успеет.

Е. А. Преображенский играл заметную роль в период подготовки и проведения X съезда партии (март 1921 г.). В дискуссии о профсоюзах он поддерживал «буферную» платформу Бухарина, а на самом съезде – совместный проект резолюции Бухарина – Троцкого. Эта его позиция стала причиной того, что Преображенского, как и двух других секретарей ЦК, Н. Н. Крестинского и Л. П. Серебрякова, сторонников платформы Бухарина – Троцкого, не избрали в новый состав ЦК и соответственно Секретариата. Ленин, едва не потеряв контроль над партией в ходе дискуссии о профсоюзах, позаботился о том, чтобы в составе Оргбюро и Секретариата – органов, к тому времени контролировавших всю деятельность партии, – не было сторонников Троцкого. В состав Секретариата были избраны В. М. Михайлов, В. М. Молотов, Е. М. Ярославский.

«Теоретик троцкизма»: 1921–1937 гг.

Но нет худа без добра. После X съезда РКП(б) у Преображенского появилось больше времени для научно-исследовательской, научно-организационной работы (хотя до второй половины 1927 г. он продолжает занимать ответственные партийно-государственные посты: член редакции «Правды», заведующий Главным управлением профессионально-технических школ и высших учебных заведений (Главпрофобр), председатель комиссии ЦК и Совнаркома по проведению финансовых реформ, член коллегии Госплана, член Главконцесскома и др.). Его теоретическая работа осуществляется в эти годы в стенах Социалистической (позже – Коммунистической) академии, членом Президиума и заместителем председателя которой он являлся. Первый

⁴³ Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006. С. 367.

номер «Вестника Социалистической академии» открывался вступительной статьей Преображенского, посвященной ближайшим задачам академии, которая, по его мнению, должна была сделаться своего рода «Госпланом в области идеологии». Преображенский интенсивно публикуется в периодической печати: в «Правде», «Вестнике Коммунистической академии», «Красной нови», «Пролетарской революции» и др. Конкретные проблемы, анализируемые им в той или иной статье, подчинены решению главной «сверхзадачи» – как увязать социалистическую перспективу с нэпом. Схема интеллектуальной эволюции, проделанной Преображенским в 1921–1924 гг., приблизительно следующая: от решения конкретных финансовых проблем, поставленных нэпом, через углубленный анализ крестьянского вопроса к созданию целостной теории пути к социализму в России – концепции первоначального социалистического накопления.

В частности, в 1922 г. Евгений Алексеевич пишет книжку «От нэпа к социализму», где пытается обрисовать перспективы развития страны за «десятилетия нэпа». Модель будущей эволюции основывалась на понимании нэпа как товарно-социалистической экономики, в которой борются элементы социализма и капитализма. В результате борьбы, по прогнозу Преображенского, советское общество в конце 20-х гг. попадает в «экономический тупик», выход из которого обеспечивает помощь европейского пролетариата, победившего в европейской социалистической революции конца 20-х – начала 30-х гг. В этом прогнозе безусловно нащупана тенденция развития советской и мировой экономики (вспомним структурный кризис капитализма в 1929–1933 гг. и обострение отношений города и деревни в СССР к концу 20-х гг.), хотя и приведшая к иным результатам: переходу к массивному государственно-му вмешательству в экономику на Западе и к сталинской «революции сверху» в Советской России.

В 1922–1923 гг. Преображенский еще не раз попытается привлечь внимание партии к вопросу о перспективах нэпа, о необходимости изменения военно-коммунистической программы партии. Однако он говорил для глухих. Весной 1923 г. фактически отходит от дел Ленин. Летом и осенью в стране нарастают хозяйственные затруднения. В партии разворачивается острая дискуссия. В ее верхнем эшелоне усиливается борьба за власть. Тут было не до программы. В ходе внутривнутрипартийной дискуссии 1923 г. Преображенский выступил на стороне Л. Д. Троцкого, позиция которого из всех членов Политбюро была ему наиболее близкой. Их объединяла с Троцким общность взглядов по следующим основополагающим вопросам внутренней и внешней политики партии: стратегическая ориентация на мировую пролетарскую революцию, без которой, как они думали, победа социализма в СССР была невозможна; приоритетное внимание к промышленному сектору экономики; подчеркивание роли планирования; стремление к демократизации партийной жизни.

В 1923 г. дискуссия внутри партии шла по двум главным направлениям: вопросы внутривнутрипартийной демократии и хозяйственная проблематика. Что касается внутри-

партийного режима, то, по мнению Преображенского, усложнение экономической обстановки при нэпе требовало развития самостоятельности первичных партийных организаций. Широкая пролетарская внутрипартийная демократия в условиях фактического слияния функций правящей партии по политическому и хозяйственному управлению страной, по мнению Преображенского, позволила бы своевременно учитывать колебания хозяйственной конъюнктуры, корректировать курс экономической политики, осуществляя тем самым реальное, а не только декларативное, регулирующее воздействие на экономику. Однако большинство ЦК пошло по иному пути. Опасаясь, что «реабилитированные» рыночные отношения «размоют» «диктатуру пролетариата», оно решило противопоставить этому процессу ужесточение партийной дисциплины, свертывание остатков демократии, что приводило к замиранию внутрипартийной жизни, росту карьеризма в партии.

Преображенский сыграл значительную роль и в разработке альтернативной взглядам большинства экономической программы. Ее суть заключалась в усилении плано-регулирующего начала в советской экономике.

На собравшейся в январе 1924 г. XIII партконференции Преображенский выступил основным содокладчиком от оппозиции по вопросам партстроительства (докладчик от большинства – И. В. Сталин) и хозяйственным (от большинства – А. И. Рыков). Голосами большинства линия оппозиции была охарактеризована как «мелкобуржуазный уклон». Эту оценку подтвердил и XIII съезд ВКП(б) (май 1924 г.). В итоге ярлык «оппозиционера», «мелкобуржуазного уклониста», а затем и «троцкиста» окажется надолго приклеенным к имени Преображенского. Он станет главным критерием оценки его взглядов и действий в Советском Союзе.

Однако вплоть до начала 1930-х гг. у Е. А. Преображенского еще сохранялась возможность для творчества. В середине 1920-х гг. он создает свой главный труд – «Новую экономику», посвященный анализу теоретических закономерностей развития советского хозяйства, конкретных путей переходу к социализму в условиях нэповской России. А в начале 1930-х гг. еще ряд новаторских теоретических экономических работ. Наиболее глубокие из них – «Теория падающей валюты», в которой исследуются развитие валютных систем в условиях инфляции; влияние инфляционных процессов на производство, психологию потребителя. А также «Закат капитализма», показывающая, как монополизм – следствие концентрации производства – деформирует, сравнительно с эпохой свободной конкуренции, капиталистический воспроизводственный цикл, в результате чего оказывается чрезвычайно затруднен переход во всемирном масштабе к новому циклу расширенного воспроизводства.

В 1930-е гг. Преображенский занимал ряд ответственных постов, но уже не в верхнем эшелоне. В 1929–1930 гг. он являлся заместителем председателя крайкома в Нижнем Новгороде, в 1930–1931 гг. работал в Наркоминделе, в 1932 г. – член коллегии Наркомлегпрома, в 1933 г. работал консультантом областной плановой комис-

сии в г. Семипалатинске, с сентября 1933 г. – заместитель начальника планового отдела Наркомата совхозов СССР.

Начиная с 1927 г. Е. А. Преображенский неоднократно арестовывался, ссылался: в Уральск, Казань, Нижний Новгород, Семипалатинск. Последний раз его арестовали 20 декабря 1936 г. Несколько месяцев длилось следствие. В ходе него Преображенский, как уже отмечалось, не дал компрометирующих показаний ни на одного из уцелевших к тому времени старых большевиков. Говорил о «контрреволюционной» деятельности лишь тех из них, кто уже был расстрелян либо сам дал на себя признательные показания. На закрытом судебном заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда Союза ССР 13 июля 1937 г. Е. А. Преображенский был обвинен в преступлениях, предусмотренных статьями 58-8 и 58-11 УК РСФСР, и приговорен «к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества». В тот же день приговор был приведен в исполнение⁴⁴.

Актуальность Е. А. Преображенского

В чем же сегодня актуальность Преображенского? Почему надо изучать его труды?

Во-первых, в лице Е. А. Преображенского перед нами предстает «идеальный большевик». Через его биографию и труды мы постигаем «людей особого склада, скроенных из особого материала» (выражение И. В. Сталина), которые, совершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, буквально «вздыбили» человечество, заставив его на протяжении 60 лет развиваться по новым, более справедливым законам. И сегодня, после исчезновения Советского Союза, всякий разумный человек видит, насколько бесчеловечнее стал мир в отсутствии этого «удерживающего». Преображенский – это и «идеальный большевик», и в его свободных от политической конъюнктуры трудах – большевистская революция «в химически чистом виде»: с ее достижениями и потерями, влетами и падениями, правдой и ложью. И если вы хотите понять историю русской революции, а значит, и историю России первой трети XX в., а потому и всемирную историю этого периода, читайте Преображенского.

Но труды Е. А. Преображенского представляют не только академический интерес. Инфляционные процессы, когда и где бы они ни происходили – в «военно-коммунистической» или посткоммунистической России, в Веймарской республике или современной Греции, – развиваются «по Преображенскому», т. е. по законам, открытым им в 1920-е гг. Руководство любой страны, ставящее перед собой цель вырвать ее из отсталости, добиться подлинного освобождения, и сегодня найдет рецепт этого

⁴⁴ Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2.

рывка в «царство свободы» в трудах Е. А. Преображенского. И совсем не случайно перевод на испанский его «Новой экономики» вышел в 1960-е годы на революционной Кубе. И как бы ни развенчивали сегодня наши доморожденные «либералы» плановую экономику, развитие современного сверхсложного мирового хозяйства, тем не менее, планируется. Непревзойденный же анализ механизмов обеспечения динамического равновесия хозяйственной системы мы находим у того же Е. А. Преображенского.

И последнее. Сегодня, в эпоху бесстыдного царствования культа «золотого тельца», всепроникающей (вот уж поистине «тоталитарной»!) пропаганды пошлости, низости и безнравственности, в нынешнее безблагодатное время предсказанного Джеком Лондоном триумфа всепокрушающей «железной пяты», уничтожающей в человеческой душе малейшие ростки духовности, тяги к идеальному, стремление к преобразению земной жизни по лекалам небесной гармонии, обретаем мы – и в облике, и в трудах самого Евгения Алексеевича Преображенского, и в навек запечатленных им образах «старых большевиков», своей жертвенностью, бескорыстием, самоотречением напоминающих первых христиан⁴⁵, – надежду на высокое предназначение человека, веру в его лучшее будущее, любовь ко всем «униженным и оскорбленным».

⁴⁵ Очерки о «старых большевиках» и другие, небольшие по объему, работы Е. А. Преображенского, а также архивные материалы, принадлежащие его перу и о нем, Главархив Москвы надеется опубликовать в следующем томе (томах) трудов Е. А. Преображенского.
